

8 часамъ вечера на спѣвку. Спѣвка назначалась два, а иногда и три раза въ недѣлю отъ 8 до 10 часовъ вечера. Погода не всегда благопріятствовала.

Нерѣдко захватывали дождь или морозъ съ сильнымъ вѣтромъ. Собирались, признаться, не всегда аккуратно къ назначенному времени. Ожидать приходилось подъ открытымъ небомъ, постукивая зубъ о зубъ. Возможность простуды была очевидна. Отсюда безпокойство у родныхъ за судьбу своихъ близкихъ. Малышей, далеко живущихъ, взрослымъ не безъ риска приходилось провожать.

И какъ видите, читатель, за все это, вмѣсто благодарности,—жестокая пощечина. Если бы, само собою разумѣется, церковь не требовала отъ человѣка украшенія, не вызывала бы у него высшаго сознанія, тогда онъ, я думаю, оказался бы безучастенъ, мозги его застыли бы, и уваженія къ достойному не было бы.

Возможно, найдутся такія лица, которыя скажутъ: «Иванъ съ Николаемъ лучше поютъ, нежели хоръ любителей въ 20 человѣкъ». Спорить объ этомъ не буду, зная, что сторонники есть не только у соловья, но и у козла.

Къ какой средѣ принадлежатъ такія лица, предоставляю судить самому читателю. Скажу еще немного. Если бы вышеупомянутые пѣвцы пѣли лучше хора въ 20 человѣкъ, то зачѣмъ понадобилось бы Обуховцамъ, Новочеркасцамъ и жителямъ-старообрядцамъ станицы Манычской приглашать Ростовскій-на-Дону хоръ любителей?

И это еще не все. Я позволю себѣ спросить у приверженцевъ «Николаевщины» или «Ивановщины», что заставляло плакать слушателей Ростовскаго хора любителей церковнаго пѣнія?

Я думаю,—красота исполненія.

Иосифъ Сметанинъ.

О граммофонахъ.

Любя старообрядчество и страстно желая ему преуспѣянія, я не хвалясь скажу, много труда кладу для достиженія этой цѣли. Когда старообрядчество нуждалось въ ревностной защитѣ, защитѣ самоотверженной, защитѣ, сопряженной съ рискомъ, въ дни печальной памяти хозяйничанья на Руси г-на Плева и Побѣдоносцева, я съ страстнымъ рвеніемъ неофита служилъ ему словомъ,—защищая и проповѣдуя о немъ чуть-ли не на каждомъ перекресткѣ улицы. Когда оно нуждалось въ полемической и апологической книгѣ. Книгѣ, въ ту темную пору строго запрещенной, я доставалъ эти книги и доставлялъ ихъ туда, гдѣ въ нихъ наиболѣе остра была

нужда. Я ни минуты не зналъ покая, будя общественное мнѣніе въ пользу старообрядчества. Года два тому назадъ, когда уже книга стала относительно свободной, когда церкви получили и внѣшнее украшеніе, когда защита стала легка, когда въ жизнь явились новые запросы, я, желая исправить существенный недочетъ въ церковномъ пѣніи нашихъ храмовъ, происшедшій не по нашей винѣ, рѣшилъ распространить между нашими обществами лучшіе образцы знаменнаго пѣнія. Съ этою цѣлью я предложилъ вниманію старообрядчества граммофонныя пластинки, напѣтыя старообрядческимъ хоромъ А. И. Морозова.

Мое выступленіе съ этимъ предложеніемъ не было не замѣчено чуткимъ вниманіемъ старообрядчества, и я, вслѣдствіе этого, получилъ много писемъ, въ однихъ изъ которыхъ это—мое предпріятіе порицалось, какъ затѣя вредная и Богу неугодная, а въ другихъ—она благословлялась, какъ дѣло не только практически полезное, но даже имѣющее за собою огромное значеніе. Однимъ словомъ получилъ я малую толику и брани, и достаточное количество благословеній, и при этомъ за одно и то же дѣло.

Признаюсь: я этого ожидалъ. Но, зная исторію старообрядчества, я былъ убѣжденъ, что въ большинствѣ своемъ старообрядчество прогрессивно, культурно, что оно никогда не было узко-обрядовое, а всегда широко-одухотворенное, и что оно никогда не отказывалось отъ благъ культуры, благъ, конечно, истинныхъ, а не видимыхъ только. Я былъ увѣренъ, что большинство мою затѣю одобритъ. Такъ оно и случилось.

Я получилъ только четыре письма, порицающихъ мою затѣю, и то два изъ нихъ просто по не пониманію написанныхъ: адресаты вообразили, что я рекомандую ввести въ церквахъ вмѣсто хорового пѣнія на клиросахъ пѣніе граммофонное; два же письма, присланныхъ мнѣ въ копіяхъ архіепископомъ Іоанномъ, хотя и возстаютъ противъ записей церковнаго пѣнія на граммофонныхъ пластинкахъ вообще, но это свое нежеланіе ничѣмъ, заслуживающимъ вниманія не подтвердили. Мое же намѣреніе вызвать въ приходахъ стремленіе улучшить пѣніе въ своихъ храмахъ вполнѣ подтвердилось письмами, благодарящими меня за распространеніе граммофонныхъ пластинокъ съ церковными пѣснопѣніями.

Я думалъ, рассылая пластинки, что благочестивыя семьи, слушая пѣніе хора Морозова, разъ отъ разу повторяя его, незамѣтно для себя и захотятъ исполнять его сами. Такъ оно и случилось. Нѣкто Н. Сахаровъ изъ Екатеринославской губерніи пишетъ: «...Граммфонъ, посланный Вами, я получилъ,—въ скорости и пластинки. Пластинками очень доволенъ морозовскаго напѣва. Мои дѣти переняли напѣвъ и очень хорошо поютъ по слуху». Какъ видите, достигнуто-то, чего и хотѣлось. Ну, а что же можетъ быть лучшее, какъ не обученіе дѣтей-христіанъ хорошему Божественному пѣнію. Неужели лучше будетъ, если дѣти будутъ заниматься «пѣснями бѣсовскими»? Спрошу я немногихъ противниковъ записей церковнаго пѣнія на граммфонѣ. Неужели лучше будетъ, если семьи нашихъ братьевъ христіанъ,

собираясь съ гостями, будутъ слушать граммофонныя пластинки свѣтскаго пѣнія? Спрошу я еще, и думаю, что отвѣтъ одинъ: *гораздо полезнѣе будетъ, если они будутъ слушать пѣніе церковное.* Пусть это будетъ хотя и граммофонная запись. Такихъ случаевъ, какъ вышеописанный, не одинъ.

Теперь такой случай. Въ г. Сумахъ живетъ чуть ли не одинъ на весь городъ нашъ христіанинъ, нѣкто К. Л. Насѣдкинъ. Живетъ тамъ болѣе пятидесяти лѣтъ, оторванный отъ своего общества. Гдѣ онъ услышитъ свое церковное пѣніе? И вотъ, выписавъ одну партію пластинокъ, онъ спѣшитъ выразить мнѣ благодарность и выписать все остальное, что есть уже записаннаго и проситъ впредь присылать ему все, что будетъ записано.

Родные сердцу старинныя напѣвы въ такомъ прекрасномъ исполненіи, какъ у хора Морозова, пробуждаетъ въ немъ лучшія чувства христіанина, онъ заводитъ со мною переписку, въ которой выражаетъ и свою признательность за доставленное ему удовольствіе, и свое ревностное желаніе къ болѣе тѣсной церковной жизни, стремленіе, во что бы то ни стало, посѣтить Рогожское кладбище, посмотрѣть архіерейскую службу, послушать пѣніе и на Рогожскомъ ознакомиться со святынями, посмотрѣть начетчиковъ, проѣхать и въ Богородскъ, чтобы лично прослушать тамошній хоръ. Онъ жертвуетъ щедрыя жертвы въ свой храмъ на родинѣ (п. Добрянка) и общается впередъ не забывая общественнаго дѣла. Такъ неужели будить такія чувства—дѣло вредное?—Спрошу я снова «протестантовъ». А вѣдь это не единственный случай!

Теперь. На далекомъ сѣверо-востокѣ, почти 8000 верстъ отъ Москвы, существуетъ г. Якутскъ. Старообрядцы и тамъ есть. И имъ хочется послушать хорошее церковное пѣніе. Такъ что же, неужели они могутъ пріѣхать въ Москву, чтобы умиляться хорошимъ пѣніемъ на Рогожскомъ кладбищѣ или въ Богородскѣ? И отвѣтъ одинъ, что это немыслимо. Вотъ тутъ-то снова и выручить граммофонъ. Нашелся тамъ нѣкто П. И. Кушнаревъ и спѣшитъ по телеграфу выписать пластинки и граммофонъ. И вотъ на краю свѣта люди умиляются церковнымъ пѣніемъ, котораго они никогда-бы не услышали, если бы не существовало этого дивнаго изобрѣтенія. Такъ скажите,—неужели это не доброе дѣло, чтобы далекихъ якутянъ порадовать слушаніемъ древнихъ церковныхъ пѣснопѣній, да еще въ хорошемъ выполненіи?

Но есть много такихъ мѣстъ, гдѣ хотя и много старообрядцевъ, но пѣть не умѣютъ и на крюковыя книги глядятъ какъ на нѣчто диковенное. Научиться самоучкою невозможно, учителя пригласить и не откуда, и средства не позволяютъ, ну и читаютъ себѣ «читкомъ» то, что нужно бы было пѣть. Или даже, если и поютъ, то такъ ужасно, что прямо не хочется слушать это пѣніе. Но стоитъ имъ взять пластинокъ нѣсколько; одинъ, два десятка разъ прослушать, подпѣться къ нимъ, и дѣло готово: напѣвъ изученъ, и стало возможнымъ болѣе сладкозвучно пѣть на клиросахъ.

Развѣ плохо изучить запѣвы: «Блаженъ мужъ». «Хвалите Имя Господне», «Съ нами Богъ» и т. п. А скажите, гдѣ эти пѣснопѣнія выполняются хорошо? Ну, а напримѣръ «На рѣцѣ Вавилонстѣй»?.. Я нигдѣ почти не слыхалъ умѣлаго ея исполненія. И граммофонная пластинка великолѣпно притомъ же записанная безусловно научить пѣть и это трудно выполнимое пѣснопѣніе, какъ и «Отче нашъ» демествомъ.

Да и наконецъ, если бы и не было такой очевидной пользы, что погрѣшительнаго въ записи пѣснопѣній на пластинки граммофона?

Вѣдь граммофонная пластинка есть не что иное, какъ та же крюковая книга, съ тою только разницею, что въ крюковой книгѣ записаны звуки условными значками, которые, изучивъ, человѣкъ производитъ ихъ своимъ горломъ. А на пластинкѣ записаны чисто механическимъ путемъ *самыя звуковыя волны*, которыя исходили изъ устъ пѣвшихъ эти пѣснопѣнія пѣвцовъ. Граммофонъ же повторяетъ эти звуки неограниченное количество разъ, всякій разъ по нашему желанію, и только! Если признать погрѣшительнымъ запись церковныхъ пѣснопѣній на граммофонѣ, то недалеко дойти до абсурда и признать погрѣшительной запись пѣснопѣній и въ крюковыя книги. Ну, не дико ли это?

Нѣкоторые говорили имъ, что нехорошо это потому, что на граммофонѣ тотчасъ же послѣ церковнаго пѣнія могутъ играть и свѣтскія пѣсни. На это я скажу: вѣдь и горло человѣка можетъ и хвалить Бога, и изрыгать сквернословія. Неужели и его поэтому долой!?

Богъ все въ нашу волю положилъ: хочешь доброе изрекай, а хочешь злое одними и тѣми же устами! И возмездіе получишь за злую волю...

Граммофонъ въ твоей власти: любишь Бога—славь Его церковными пѣснопѣніями. И лучше будетъ пользоваться граммофономъ какъ средствомъ славить Бога, нежели угождать своимъ страстямъ, услаждая слухъ и разжигая чувственность слушаніемъ, напримѣръ, цыганскихъ романсовъ г-жи Вяльцевой и т. п.

А сколько граммофоновъ - то имѣютъ наши братья-христіане, и не счесть! Такъ неужели же полезнѣе слушать имъ разжигающіе романсы, нежели облагораживающее и возвышающее душу церковное пѣніе?..

Я пишу это къ тѣмъ немногимъ, которые выразили свое непониманіе въ письмахъ ко мнѣ, чтобы не оставить ихъ безъ отвѣта и по силѣ возможности разубѣдить ихъ въ ихъ темнотѣ, а огромное большинство я благодарю за то сочувствіе, съ которымъ оно встрѣтило граммофонныя записи.

Есть случаи, когда выражаютъ недовѣріе къ хору Морозова и настоятельно просятъ записей пѣснопѣній хора Рогожскаго кладбища, а старообрядцы безпоповцы, прося записи рогожскаго хора, просятъ также и преображенскаго. Это уже дѣло другое. Я готовъ бы пойти навстрѣчу этимъ желаніямъ, но это не отъ меня зависитъ. Также многіе настаиваютъ на расширеніе списка пѣснопѣній. Но и это дѣло будущаго.

Въ заключеніе: опытомъ я пришелъ къ тому выводу, что записи цер-

ковныхъ пѣснопѣній на граммофонныхъ пластинкахъ имѣютъ огромное культурное значеніе. Они несутъ съ собою во всѣ темные углы нашего отечества свѣтъ, освѣщающій темноту незнанія церковнаго пѣнія, и будятъ мѣстную мысль къ желанію организовывать и у себя лучшее пѣніе, а поэтому распространеніе ихъ должно заслуживать поощренія, а не порицаній.

Н. Зенинъ.

Г. Иркутскъ.

Читая высокоуважаемый журналъ «Старообрядческая Мысль», изъ котораго видно, какъ старообрядчество, благодаря относительной свободѣ совѣсти, воспрянуло духомъ и съ присущей ему энергіей взялось за устройство своей какъ внѣшней, такъ и внутренней церковной жизни. Читая эти сообщенія, радуешься вообще за старообрядчество, за его энергичную работу, особенно за стремленіе къ постановкѣ и совершенствованію церковнаго пѣнія; это въ высшей степени отрадное явленіе заставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ призадуматься и обратить вниманіе и на себя и на свою постановку церковнаго пѣнія, если только можно назвать постановкой существующее у насъ пѣніе, скорѣе нѣтъ у насъ никакой постановки пѣнія, которая сколько-нибудь соответствовала бы этому названію въ смыслѣ прогрессивности и улучшенія церковнаго пѣнія. Правда, было и у насъ отрадное явленіе въ смыслѣ улучшенія церковнаго пѣнія, это было въ 1908—1909 годахъ, когда служилъ при храмѣ въ качествѣ уставщика М. А. Базановъ, онъ, какъ хорошій знатокъ своего дѣла, поставилъ пѣніе у насъ на должную степень и руководилъ имъ вполне умѣло, и это время было свѣтлымъ проблескомъ на фонѣ нашей сѣрой сибирской жизни, и весьма жаль, что почтенный Матвѣй Александровичъ по слабости здоровья не могъ быть далѣе руководителемъ у насъ по пѣнію, а вынужденъ былъ выѣхать въ Россію.

Такія свѣтлыя личности, каковымъ былъ г. Базановъ, для нашего прихода, это—рѣдкое явленіе, особенно въ Сибири, и онѣ оставляютъ по себѣ пріятное воспоминаніе; теперь же по отъѣздѣ г. Базанова мы двигаемся не по пути прогресса въ смыслѣ улучшенія церковнаго пѣнія, а какъ разъ наоборотъ, и это тѣмъ печальнѣе, что представители общины, кому надлежитъ это вѣдать, какъ бы застыли на точкѣ замерзанія, и никакой активности въ этомъ смыслѣ не проявляютъ, да они, можетъ-быть, въ этомъ и не виноваты, они вѣдь и неучены и заняты домашними дѣлами. Мнѣ, пишущему эти строки, недавно пришлось бесѣдовать со священникомъ этой общины по данному вопросу, который, пожимая плечами, отвѣтилъ: «Ничего не подѣлаешь, одинъ въ полѣ не воинъ». Я было возразилъ, что вовсе вы,